

Сыту Гунхун, воспользовавшись тем, что придворные еще не успели опомниться, объявил об окончании утреннего собрания. Он сослался на внезапное недомогание, отказался от дальнейших докладов и удалился в свои покои.

Когда чиновники вышли из зала, канцлер Сун оказался в плотном кольце любопытных. Он только собрался заявить, что ничего не знает о перемещении войск, как вдруг вспомнил вчерашние слова императора о намерении отозвать Юэ Иняна. Сун подумал, что, возможно, император решил воспользоваться случаем. К тому же он никак не мог объяснить историю с тигровой печатью: почему она, находясь в его поместье, вдруг словно на крыльях перелетела в руки монарха? Будучи канцлером при двух императорах, Сун знал: чем больше оправдываешься, тем сильнее запутываешься, поэтому поспешил отстраниться от толпы и скрыться подальше.

Это событие насторожило ван Пинсяня. Внезапная передислокация двухсот пятидесяти тысяч солдат — не шутка! Если бы дело было только в том, чтобы убрать Юэ Иняна, столь масштабные меры не потребовались бы. Пинсянь немедленно свернул все приготовления и затаился. Лишь когда его лазутчики донесли, что на границе действительно объявились кочевники, а Юэ Инян со своим войском и впрямь выдвинулся на передовую, он смог облегченно вздохнуть.

Он пробормотал, что само небо помогает ему: теперь, когда Юэ Инян увел такую массу войск, его собственный план станет еще безопаснее и осуществится без помех. А когда Юэ Инян вернется, он уже прочно укрепитесь во власти и будет ждать генерала, чтобы тот сам угодил в ловушку, после чего он просто примет командование над его армией.

Ван Пинсянь договорился с несколькими другими удельными князьями и горсткой подкупленных им министров: пятого числа девятого лунного месяца, в день Осенних жертвоприношений, когда император отправится в родовую кумирню в сопровождении гражданских и военных чинов, они и нанесут удар.

Разумеется, Юэ Инян не собирался уводить огромную армию далеко. С таким трудом добытое войско он провел по широкой дуге в сторону театра военных действий, а затем, скрывшись от всех глаз, вернул его обратно. Армия укрылась в горах Улин, недалеко от Вэйчэна. Именно там когда-то проводились Весенние жертвоприношения, и Сыту Гунхун с Юэ Иняном сошлись во мнении, что это идеальное место для тайной дислокации: совсем рядом с Вэйчэном, всего полдня пути на быстрых конях, так что военная необходимость не пострадает.

Связь между ними поддерживалась через восемнадцать железных гвардейцев, которых старый генерал Юэ одолжил сыну перед походом. Эти люди не только были преданы старику, но и являлись его секретной личной гвардией, которую никто не знал в лицо. Они могли свободно проникать во дворец и передавать донесения Сыту Гунхуну без риска быть разоблаченными.

Все ждали дня жертвоприношения.

Сыту Гунхун расхаживал по залу Чаоян. Его парадное облачение было полностью приведено в порядок, оставалось лишь дожидаться сигнала церемониймейстера о наступлении счастливого часа, чтобы отправиться к родовой кумирне к востоку от Вэйчэна.

На саму церемонию допускались только члены императорской семьи, остальные чиновники ожидали на площади перед главным храмом. Если бы он, ничего не подозревая, отправился туда, всех его людей могли перебить втихаря, а сам он оказался бы заперт в храме под контролем ван Пинсяня, прибывшего из своего удела. Тогда исход был бы предрешен, и он превратился бы в жертвенное мясо. От одной этой мысли его прошибал холодный пот.

Сделав еще один круг по залу, он вспомнил, как в последний момент перед отъездом Юэ Иняна едва не передумал и не отпустил его. Сейчас он всей душой желал только одного — никогда больше не разлучаться с ним. Но понимал: самое опасное место — рядом с ним. Юэ Инян в безопасности только в своей Армии Соколов, только среди солдат. Только так можно было уберечь первого генерала Династии Да Шэн, чью голову ван Пинсянь желал заполучить больше всего. Поэтому Сыту Гунхун, вопреки первоначальной договоренности о пятнадцати тысячах воинов, в последний момент увеличил численность до двадцати пяти тысяч элитных бойцов.

Уходя, Юэ Инян стиснул зубы и беззвучно одними губами произнес: Береги себя.

— Ваше Величество, — раздался тихий стук в дверь и голос верного евнуха Ли Цюаньшуня. — Счастливый час настал, извольте выступать. — В его голосе слышалась непривычная дрожь: он был единственным человеком при дворе, посвященным в грядущую опасность.

— Пойдем. — Сыту Гунхун распахнул двери. Когда он вышел, лицо его было спокойным, словно все тревожные мысли остались позади, унесенные порывом ветра, колыхавшим его плащ.

— Докладываю генералу: первый отряд прибыл в назначенную точку, жду указаний.

— Докладываю генералу: второй отряд прибыл в назначенную точку, жду указаний.

— Докладываю генералу: третий отряд...

Гонец за гонцом прибывал в штаб Юэ Иняна, принося хорошие вести: все приказы выполнялись в точности.

Лю Иньчжэнь, исполнявший обязанности советника, распорядился отправить связных на отдых, а сам посмотрел на невозмутимого главнокомандующего. Он понимал, что никто, кроме них в штабе, не знает, зачем командующий сделал такой крюк и вернулся к Вэйчэну, а затем отдал приказ об атаке.

— Передай приказ: сигналом к атаке послужит фейерверк с восточной стороны Вэйчэна. Всем отрядам атаковать одновременно. Живых не брать, капитуляцию не принимать, уничтожить врага полностью! Нарушивших приказ карать по всей строгости военного закона! Ступай. — Юэ Иньян взглянул на время и отдал приказ. Лю Иньчжэнь вздохнул и кивнул застывшему от изумления подчиненному. Тот опомнился, подавил желание задать вопросы и бросился исполнять.

Всем было ясно, что этот приказ идет вразрез со стилем ведения боя их Армии Соколов. Никогда раньше не отдавалось приказов уничтожать всех без исключения и не принимать сдачи. Ведь если враг поймет, что отступать некуда, он начнет отчаянно сопротивляться, что может повлиять на ход сражения и привести к большим потерям. Поэтому, если ситуация не была критической или речь не шла о кровной мести, полководцы старались не загонять противника в угол.

— Иньчжэнь, ты считаешь меня жестоким? — Юэ Иньян сидел в кресле командующего, потирая переносицу. — Но я вынужден так поступить. Я должен помочь Его Величеству упрочить власть! Дать сигнал тем, кто еще лелеет призрачные надежды, заставить их трезво взглянуть на вещи и понять, кто истинный правитель страны!.. А теперь иди, проведай Цзунбао, проследи, чтобы он по глупости не наломал дров. Когда придет время, вернешься и позовешь меня.

Лю Иньчжэнь промолчал, зная, что Юэ Иньян говорит это скорее для себя самого. Он выпрямился, отдал воинское приветствие и вышел из шатра. Окликнув охрану, чтобы те не беспокоили генерала, он вскочил в седло и помчался в сторону Вэйчэна.

Сыту Гунхун стоял на коленях перед табличками с именами предков. Его лицо было спокойным, исполненным величия и торжественности, подобающих императору. Он знал: если ван Пинсянь и решится на мятеж, то не в разгар ритуала, ведь ему нужно время, чтобы обеспечить себе преимущество снаружи. До окончания церемонии они были в безопасности. Мятежники наверняка ударят, когда все расслабятся, решив, что обряд прошел успешно.

Он не знал, когда придет помощь от Юэ Иньяна — на поле боя все непредсказуемо. Единственное, что он мог — потянуть время внутри храма, чтобы ван Пинсянь не почувствовал перемены обстановки снаружи, и одновременно обеспечить безопасность собравшихся здесь сановников. От них зависело будущее правление и стабильность страны!

Но Сыту Гунхун не ожидал, что все обернется столь скверно!

Стоило ему приготовиться к развороту, как с обеих сторон повеяло ледящей жадой убийства, а краем глаза он заметил длинный клинок, летящий прямо в голову сзади!

Ван Пинсянь не собирался тратить время на разговоры — он решил зарубить его сразу, а потом, когда дело будет сделано, запугать остальных чиновников и заставить подчиниться.

Сыту Гунхун слегка качнул плечом и резко развернулся, уходя от трех ударов одновременно. Он не стал отступать вперед, где, казалось бы, было безопасно, а, наоборот, бросился вправо-назад, прямо туда, где стоял ван Пинсянь!

Этот маневр застал всех врасплох. Оказалось, что он не только был готов к нападению, но и его путь к отступлению был совсем иным, нежели предполагали заговорщики. Фронтальная засада потеряла всякий смысл. Ван Пинсянь, чуть не сбитый с ног, пришел в ярость, но успел вовремя откатиться в сторону. Выглядело это нелепо, но помогло ему выйти из зоны атаки.

Вскоре по знаку ван Пинсяня из-за алтаря хлынуло еще больше наемников, окружив перепуганных членов императорской семьи и Сыту Гунхуна, который уже сцепился с тремя первыми убийцами.

— Сыту Гунхун! Ты, будучи императором Да Шэн, погряз в пороках, нарушил все нормы морали, вызвав гнев людей и богов! Чтобы народ не страдал под твоим гнетом, я, Сыту Гунъи, поднимаю восстание во имя справедливости, избавляя мир от тирана и возвращая Династии Да Шэн светлое будущее! — Ван Пинсянь громко перечислял преступления императора, стараясь звучать убедительно.

— Наглый предатель! Ты осмелился посягнуть на жизнь императора и взять в заложники высших сановников — какая кара ждет тебя! Кто позволил тебе вопить здесь, в святая святых наших предков! — Сыту Гунхун, уклоняясь от атак, пытался парировать словами. Стоило ему отвлечься, как клинок полоснул его по руке — к счастью, лишь поверхностно.

Только теперь князья осознали: ван Пинсянь поднял мятеж! Но было поздно — всех, включая высшее военное командование, люди Пинсяня повязали, как снопы, и бросили в угол под присмотр стражи. Эти спесивые аристократы были в бешенстве, некоторые едва не теряли сознание от гнева. Многие из тех, кто был подкуплен ранее, проклинали себя за то, что не были бдительны и не донесли императору о заговоре, а военачальники корили себя за то, что без сопротивления позволили себя связать.

Троих первых нападавших заменили, и теперь императора окружили восемь человек. Видимо, ван Пинсянь решил не останавливаться, пока не убьет его! К счастью, большинство его людей были заняты сражением с гвардией снаружи, иначе вместо восьми здесь были бы сотни, и Сыту Гунхун давно стал бы решетом.

— Чего вы ждете! Убейте тирана! — Ван Пинсянь нервничал: слишком многое шло не по плану. Он и не подозревал, что боевые навыки Сыту Гунхуна столь высоки — тот умудрялся отбиваться от восьми отборных убийц!

Внезапно раздался грохот, крыша храма проломилась, и оттуда, как коршун, свалился человек!

Ван Пинсянь вздрогнул, не успел он и рта раскрыть, как фигура оказалась у него за спиной, а к его горлу приставили сверкающую сталь.

— Всем бросить оружие! — Взгляды всех присутствующих устремились к человеку за спиной ван Пинсяня. Это был никто иной, как Юэ Инян!

— Генерал Юэ! — закричали некоторые министры.

— Инян... — Сыту Гунхун, весь в крови и грязи, перестал сражаться и неверящим взглядом смотрел на Юэ Иняна, словно явившегося с небес божественного воина.

Все это время он держался лишь на силе духа. В его голове сотни раз проносился образ Юэ Иняна, он мечтал, как они заживут счастливо, когда этот кошмар закончится. Он надеялся, что вот-вот Юэ Инян ворвется с войском через главные ворота, но никак не ожидал, что тот в одиночку проломит крышу и в одно мгновение захватит главаря мятежников.

— Прикажи своим людям сложить оружие и сесть у стены! — Юэ Инян бросил сложный взгляд на измученного Сыту Гунхуна, а затем вновь превратился в непобедимого полководца. Он лучше всех умел справляться с подобными ситуациями.

— Юэ Инян, не валяй дурака! Снаружи мои сто с лишним тысяч солдат, тебе не уйти живым! Отпусти меня, и я гарантирую тебе безопасность! — Ван Пинсянь, видя, что Юэ Инян один, решил, что тот тайно покинул фронт, и попытался торговаться. Он будущий император, жизнь его бесценна, как он может позволить так с собой обращаться!

Что же касается обещания безопасности, то это была ложь: как только он освободится, он прикажет сотням своих людей догнать его и уничтожить.

— Я, естественно, уйду отсюда невредимым, благодарю за заботу, князь. Если вы прикажете своим людям сложить оружие, я гарантирую, что ваши головы останутся на плечах! — Юэ Инян сильнее надавил клинком, и на шее ван Пинсяня проступила полоска крови. Все видели, как побледнел мятежник. Он понимал: если сейчас все провалится, живым из храма ему не выбраться.

Оглядевшись, он увидел, что один из его наемников, который до этого сражался с императором, застыл на месте. Поскольку Сыту Гунхун обернулся к Юэ Иняну, этот солдат оказался прямо у него за спиной!

Юэ Инян не мог видеть жестов, которыми ван Пинсянь подавал знак солдату, но он отчетливо разглядел ухмылку на лице убийцы и занесенный над спиной императора клинок!

— Гунхун! — Юэ Инян не успевал добежать, оставалось лишь метнуть нож, которым он угрожал Пинсяню!

Именно этого и добивался ван Пинсянь. Он дернулся, вырвался из захвата и оказался перед Юэ Иняном, вцепившись ему в горло. Раз в руках генерала нет ножа, он его не боится! С

детства обладая недюжинной силой — в двенадцать лет он валил тигров! — Пинсянь был уверен, что задушит Юэ Иняна голыми руками.

Нож Юэ Иняна вошел точно в лоб нападавшего, пробив голову насквозь. Сыту Гунхун, увидев опасность, угрожавшую Юэ Иняну, с криком бросился вперед, не обращая внимания на разделявшие их десять шагов.

— Инян!

Однако в этот момент ван Пинсянь рухнул перед ним. На его искаженном лице застыли гнев и раскаяние. Сыту Гунхун остановился. Бросившиеся за ним солдаты мятежника тоже замерли. Все смотрели на труп ван Пинсяня: из левой части груди медленно растекалось кровавое пятно, дотекая до самых сапог Юэ Иняна.

— Я обещал князю, что оставлю от него хотя бы целое тело... В следующей жизни запомни: ни один хороший солдат не идет в бой с одним лишь оружием. — Юэ Инян выдернул из груди Пинсяня восьмидюймовый кинжал и резким движением метнул его в закрытые двери храма: — Остальным сложить оружие и сдаться, иначе — четвертование и казнь девяти колен рода!

Первый человек бросил меч, за ним последовали остальные... все сдались!

Когда Му Цзунбао и Лю Иньчжэнь, закончив зачистку остатков мятежников, ворвались в храм с основными силами, они обнаружили, что их командующий, который должен был отдыхать в штабе, уже полностью контролирует ситуацию. Больше всего их поразило, что члены императорской семьи, которые считали Юэ Иняна простаком, теперь смотрели на него со смесью ужаса и восхищения. Лю Иньчжэнь догадывался, что их напугал холодный приказ Юэ Иняна перебить всех пленных до единого.

Спасенных министров, не участвовавших в мятеже, собрали на площади. Армия Соколов взяла под охрану весь храмовый комплекс. Юэ Инян стоял рядом с Сыту Гунхуном на ступенях кумирни. Оба уже успели привести себя в порядок, и в своих чистых одеждах казались небожителями.

Большинство министров, выступавших против их союза, теперь чувствовали себя неловко — ведь Юэ Инян только что спас им жизни, и слова протеста застряли у них в горле. В тишине пролетело время, достаточное, чтобы догорела палочка благовоний.

— Вы против того, чтобы я взял в супруги генерала Юэ Иняна, верно? Вы считаете, что все мои прежние заслуги перечеркнуты этим союзом? И этого вам показалось мало — вы решили пойти на меня войной! А?! И только когда вас повязали, вы узнали, что такое страх!

Чего вы боялись? Вы сговорились заранее: стоило моей голове покатиться с плеч, как вы бы принялись славить ван Пинсяня! Но ваш расчет оказался ошибочным! Мы с генералом Юэ раскрыли заговор. Теперь пришло время вам беспокоиться о своих шеях!

Лицо Сыту Гунхуна было холодным, как лед. Чиновники дрожали под его грозным взглядом. Те, кто был связан с ван Пинсянем, молили лишь о том, чтобы император не догадался об их роли, а остальные боялись умереть от разрыва сердца прямо здесь.

— Ли Сюнфэй, Чжан Пин, Ван Илянь... — Сыту Гунхун начал называть имена. Тут же солдаты Армии Соколов хватали указанных людей и уводили в сторону. Когда число схваченных перевалило за два десятка, император умолк. Его взгляд, словно клинок из черного льда, прошелся по толпе, и он медленно произнес: — Все эти люди пошли на сговор с ван Пинсянем. Бросить их в темницу смертников, завтра на рассвете — казнить у ворот! Мужчин из их семей отправить на северные рубежи, а женщин продать в государственные дома терпимости!

Уведенные люди посерели от ужаса, некоторые лишились чувств. Остальные чиновники едва держались на ногах.

— Чжоу Цюань, Чэн Лишэн... — снова назвал имена император. На этот раз никто не бросился их вязать, но некоторые едва не упали, не в силах стоять. Чжоу Цюань, чиновник пятого ранга, проявил смелость, опустился на колени и задрожал: — Прошу Ваше Величество проявить милосердие! Ван Пинсянь действительно обращался ко мне, но я решительно отказал ему! Умоляю, проверьте!

Сыту Гунхун рассмеялся: — Чжоу Цюань! Хорошо, верное сердце! Правда, трусоват, но ничего — будешь тренироваться под началом генерала Юэ! Слушай мой указ: повысить тебя в должности до третьего ранга, добавить жалование, пожаловать поместье и сотню слуг. Остальным — награды по заслугам! Принимайте указ и благодарите!

Оставшиеся министры не знали, что и думать. Император раздавал награды и наказания, очевидно, он знал о каждом чиновнике все до мельчайших деталей! При этом он был справедлив и рассудителен — настоящий мудрый правитель! Совсем не такой, как говорил ван Пинсянь, называя союз императора с мужчиной позором и предзнаменованием гибели страны.

Сыту Гунхун смягчился и с лучезарной улыбкой повернулся к Юэ Иняну: — Генералу Юэ Иняну за точные сведения, своевременное возвращение и спасение императора — присвоить титул генерала-верхнего ранга! Пожаловать титул Хоу-защитника государства, выделить десять уделов, позволить всегда находиться при особе императора... А также стать моим супругом! Выбрать место для поместья Хоу, увеличить личную охрану до восьми тысяч, дать пятьсот слуг. Всем воинам Хоу-защитника, участвовавшим в подавлении мятежа, повысить звание и выдать награду по десять золотых. Хоу-защитник, принимай указ и благодари. — Сыту Гунхун кокетливо вскинул подбородок, ожидая благодарности.

Юэ Инян покачал головой с горькой усмешкой. Подобное помпезное представление могло снова встревожить тех самых министров, которых они с таким трудом пытались примирить с

императором. Но нельзя же было при стольких свидетелях ставить императора в неловкое положение, и он, собрав полы халата, опустился на колени.

— Вы все еще не одобряете мой союз с генералом Юэ? Вы думаете, что я осыпаю милостями своих приближенных лишь из личных предпочтений? Вы не согласны, да?

<http://bllate.org/book/21159/2144496>